

Легенда без конца

Париж, переулочек Вольтера, 23. Четвертый этаж элегантного дома выходит на набережную Сены. Здесь живет Рудольф Нуриев. В 9.30 утра он еще спит. А вчера окна его салона, смотрящего на Лувр, светились допоздна. Нет, никакого торжества — Рудольф Нуриев поздно вернулся домой. Не из оперы, из больницы, где он провел трудный день.

Последний раз мы встречались с Нуриевым на «его» островах Ли Галли у берегов Позитано.

«Хочу стать дирижером», — провозгласил, стоя на террасе своего дома на берегу моря и листая ноты с музыкой Моцарта. Продолжил: «Мне это предрек фон Караян. Дирижеры живут долго, а я буду вечно, особенно зная, что смогу умереть на сцене».

На этом в тот вечер мы с ним и попрощались. Его дом на море был заполнен солнцем и — людьми. Английский повар Робинзон готовил ему рис — так, как готовила когда-то в России его мама — простой отварной рис. В Италии было очень жарко, в Париже сегодня — холод. Уже десять часов. А в квартире в переулочке Вольтера совсем тихо, хотя чувствуется, что Рудольф проснулся. Одина его комнаты открыты, но никого не видно и не слышно. В эти последние дни дверь дома редко открывалась.

Вот уже несколько месяцев друзья Рудольфа Нуриева онутали мифического «летающего татарина» тайной. Тайну соткали из отрицаний, опровержений, умолчаний. «Рудольф уехал, его нет дома, он не хочет, чтобы его беспокоили». Только самые близкие подруги вполголоса повторяли: «Рудольф болен, оставьте его в покое». У его двери, единственным украшением которой является звонок в форме львиной головы, на коврике — куча писем со всего света.

Никто не отвечает. Звоним еще раз. И вдруг стена, возведенная между нашим маленьким миром и его, великим, рушится — дверь отырыли. «Дома ли господин Нуриев?» В ответ — молчание. «Мы только хотим поприветствовать его, мы только познакомились прошлым летом в Италии». На пороге в халате стоит Марика Безобразова, одна из близких подруг Руди, русская балерина, руководит Академией танца «Принцесса Грейс» в Монте-Карло. Рядом с ней — овчарка русского танцовщика. «Не знаю, выйдет ли он. Очень занят, а сегодня днем уезжает. Пойду спрошу». Она уходит, овчарка остается на пороге. Тишина, мужской халат на вешалке и грустная собачья морда.

В большом салоне, выходящем на Сену, картины, оправленные в золотые рамы. В основном — обнаженные мужчины. «Мне нравится тратить деньги на старые полотна, — говорил он мне там, на острове. — Мои любимые художники — Рейнолдс, Фусли, Жерико». На столе, на полу — несколько грязных тарелок, здесь же — красный собачий поводок. Обычный утренний беспорядок, только вот не чувствуется запаха кофе. В холле — книжные шкафы, переплетенные в кожу тома: «Божественная комедия», Толстой, Флобер. «По утрам я люблю читать, — говорил он мне тогда там, на море. — Сейчас вот читаю по-французски «Мадам Бовари». Изумительная книга, я ее уже читал по-русски и по-английски».

В тишине со стороны салона слышатся легкие шаги. Перехватывает горло. Он? Как бы не так! Худенькая седая дама, напоминавшая сказочную фею, посылает на дверь: «Господин Нуриев не может вас принять... Прошу вас, до свидания!» — «Хотя бы автограф. Его «Баядерка» в опере просто фантастична!» — «Признательны, но он не хочет ни с кем разговаривать».

Ему неинтересно с нами разговаривать. Ему, родственной душе Марго Фонтейн, наследнику Нижинского и Баланчина. Сейчас, когда он угасает, ему нечего поведать людям, газетчикам, всему миру. Он уже все сказал и все сделал. И никто не сможет его забыть.

Тяжелая зеленая дверь фешенебельного дома в переулочке Вольтера закрывается за нами навсегда. Там, внутри, остался одинокий навсего, дом, наполненный эмоциями. И неуловимое дыхание ветра. А на улице хлещет дождь. Печальный месяц — ноябрь!

В начале октября он улетел на Карибские острова, чтобы побыть на тамошнем пляже, — улетел после премьеры своей «Баядерки», усталый, подавленный, но полный отчаянного желания жить. После премьерного спонтаня состоялся торжественный вечер, — в честь его самого изумительного танцовщика нашего века. Министр культуры Жан Ланг, президент парижского театра, Пьер Берге вручили ему почетный титул донтора искусств и литературы. Осунувшееся, бледное лицо Руди, обрамленное многоцветным тюрбаном, выражало бесконечную горечь: как написали потом газеты, публики нудя больше интересовалась его болезненным видом, чем уникальным мастерством. Дождь на набережной Сены все усиливается.

Франческа Алиата БРОННЕР.

Перевела с итальянского
из еженедельника «Венерди»
Марина АРКАДЬЕВА.

1992-3-10.12. - с. 14
журнал и статья